

ПРАВОСЛАВИЕ И ЦЕРКОВЬ

УДК 739(091) DOI 10.25986/IRI.2023.93.3.013

В. В. Игошев

*Государственный научно-исследовательский институт реставрации,
Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, Москва, Россия.
igoshevvv@rambler.ru*

ДРЕВНЕРУССКИЙ КОВЧЕГ-МОЩЕВИК РАБОТЫ КУЗНЕЦА САМУИЛА, ПИСЦОВ ЕЛИСЕЯ И ЛЕОНТИЯ: ТИПОЛОГИЯ, СТИЛЬ, ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ

В статье исследуются типология, стиль, а также технологические приемы изготовления одного из древнейших русских реликвариев – ковчега с мощами святых врачей-бессребреников Космы и Дамиана. На корпусе и крышке медного золоченого мощевика, сохранившегося в храме Святой Марии в Кракове, гравированы священные изображения, орнамент и надписи, в том числе краткая молитвенная подпись с именами кузнеца Самуила, писцов Елисея и Леонтия. На конструктивные особенности, форму и технику изготовления ковчега оказали влияние византийские, западноевропейские и золотоордынские образцы декоративно-прикладного искусства. Все его части сделаны в одно время – в первой половине XIV в. русскими мастерами: торевцом Самуилом, писцами-изографами Елисеем и Леонтием – в Галицко-Волынских землях.

Ключевые слова: ковчег-мощевик, рака, святые врачи Косма и Дамиан, древнерусские ювелиры, писцы-изографы, древнерусское серебряное дело

В древнерусских храмах, так же как в византийских, для хранения частиц мощей использовались «малые раки», сделанные в виде небольших серебряных ковчегов-мощевиков, прямоугольных в плане с крышкой, которые именовались «рака для святых мощей», «рачица», «ковчег», «ковчежец», «ларец с мощами», «крабица» и др. «Малые раки», изготовленные византийскими и западноевропейскими ювелирами, часто повторяли форму архитектурных сооружений или больших саркофагов. Мощи вкладывались также в небольшие ковчеги разнообразной формы – в виде киотца, квадрифолия, а также в кресты, иконы, складни, наперсные образки (панагии) и др. Согласно Правилам Седьмого Вселенского собора, мощевики находились в алтарях храмов внутри престолов¹, иногда – на престолах или вблизи престолов. Так же

¹ Самый ранний сохранившийся древнерусский мощевик, сделанный из тонких серебряных пластин в виде коробки, прямоугольной в плане, размером: 12 × 5,5 × 8 см, был помещен в 1030–1031 гг. в каменный престол Спасо-Преображенского собора в Чернигове. На гладкой серебряной крышке шкатулки чеканена надпись с чернью в три строки о вложенных мощах трех святых: «ПАНТЕЛЕЙМО(Н). АКАКИЙ. МАКАВЕЙ» [Холостенко; Медынцева, 2000, с. 123–124]. О вложении в престол храма мощей трех святых говорится в актах Собора 1654 г.: «А в старых наших потребниках о том указ есть, что класти под престолом три части святых мученик» (Скрижаль. Акты соборов 1654, 1655, 1656 годов. СПб., 2013. С. 254).

как и крупные раки, ковчеги-мощевики особо почитались, сберегались как святыни и становились объектом паломничества верующих, к ним обращались за помощью в исцелении и защите от врагов.

К числу древнейших русских памятников, имеющих большое историко-культурное и художественное значение, относится позолоченный медный ковчег-мощевик (размер: 43 × 9 × 12 см) с мощами святых врачей Космы и Дамиана, сохранившийся в ризнице храма Св. Марии в Кракове (Ил. 1). Этот предмет сделан в виде удлиненного ящичка, прямоугольного в плане, с открывающейся крышкой в виде усеченной пирамиды с плоской узкой поверхностью вверху, с крепящейся кованой С-образной ручкой, предназначенной для удобного перемещения мощевика. На боковых стенках ковчега и на скатах крышки гравированы житийные клейма, изображения святых, надписи и растительный орнамент. Этот уникальный памятник, введенный в научный оборот еще в XIX в., до настоящего времени недостаточно изучен. Имеются разные мнения о его назначении, времени и месте создания. Не исследованы особенности конструкции ковчега, последовательность различных этапов технологических операций, применявшихся при его изготовлении, не точно воспроизведены гравированные надписи.

В первой краткой публикации С. М. Крыжановским в 1876 г. этот предмет назван «древний кивот» или «ящичек» с частицами мощей Космы и Дамиана и отнесен к «славянским памятникам» XI–XIII вв. [Крыжановский, с. 128–129]. В работе И. И. Толстого и Н. П. Кондакова, опубликованной в 1899 г., дана прорись отдельных фрагментов этого предмета, именованного «медной мощехранительницей» со «славянскими надписями» XIV в. [Толстой, Кондаков, ил. 232 на с. 187]. О ковчеге, названном «медная дарохранительница... с русскими надписями галицкого или волынского происхождения», упоминает А. И. Соболевский, который связывает этот предмет с культурой русских иконописцев, создавших фрески в «Старой Польше» в XIV и XV вв. [Соболевский, с. 12].

А. С. Орловым в книге, посвященной библиографии русских надписей, изданной в 1952 г., мощевик представлен как «даро- или мощехранительница» «галицкого или волынского происхождения» с датой XIV–XV вв. [Орлов, с. 123–124]. П. Н. Жолтовским в 1958 г. «ларец мастера Самуила» опубликован как археологический памятник с привлечением палеографического анализа надписей и отнесен к работе русского ювелира первой половины или середины XIV в. По мнению автора публикации, ковчег изготовил кузнец Самуил, который делал ларец «и гравировку изображений и надписей» «в сотрудничестве с двумя писцами – Елисеем и Леонтием. Видимо, один из этих писцов намечал надписи, а другой “знаменал” изображения» [Жолтовский, с. 211]. В итоге автор статьи приходит к выводу, что ларец изначально был «мощехранительницей, приспособленной впоследствии для каких-то других целей», а часть деталей – «ручка на его крышке, петли и крючок являются поздними добавлениями, прикрепленными поверх гравированных надписей. При этом зацепы ручки частично закрыли наиболее интересный текст с именами мастеров», поэтому «все эти добавления позволяют думать, что позднейшее назначение предмета было связано с его переносами» [Жолтовский, с. 209–213]. Такое мнение о поздних и разновременных деталях памятника является следствием слабой изученности ковчега, что привело к ошибочному мнению о его поздних доделках. Ниже нами изложено доказательство того, что все части ковчега сделаны в одно время.

По мнению Н. П. Жолтовского и В. Л. Янина, ковчег выполнен новгородским мастером [Жолтовский; Янин]. Но новгородское происхождение этого предмета не находит своего подтверждения. Форма ковчега, иконография изображений и надписи не имеют новгородских признаков, в тексте отсутствует характерное для Новгорода чередование «ч» и «ц». В иконографии также невозможно выделить особых новгородских признаков. Г. Н. Бочаров отмечал,

что ковчег изготовлен в западных или юго-западных русских землях [Бочаров, с. 47, примеч. 122]. В 1991 г. в Словаре древнерусского языка опубликована неполная надпись с ошибками, содержащая имя лишь кузнеца: «господи помози самоилови кюзнецю», датированная концом XIV – началом XV в.²

Ковчег представлен в изданиях, посвященных средневековому искусству, распространенному на западных и юго-западных русских землях [Александрович, с. 62–63, 129; Исторія українського мистецтва, с. 980, ил. на с. 979]. В IV томе издания «История русского искусства» ковчег причислен к работе русского мастера и датирован второй четвертью – серединой XIV в. А. С. Преображенским отмечено, что надписи и изображения на этом памятнике характерны для общерусского искусства, а необычная удлиненная форма прямоугольного «ларца» позволяет предположить, что образцом ему послужил ковчег для кости неизвестного святого, причем «другие русские мошевики такой формы неизвестны» [Преображенский, с. 592].

На гладких стенках корпуса и на торцевых скатах крышки мошевика гравированы житийные клейма с изображениями святых бессребреников братьев Космы и Дамиана (в русской традиции – Кузьма и Демьян). Братья безвозмездно исцеляли больных и немощных, а также проповедовали веру в Христа, поэтому в надписях на ковчеге они названы «святые врачи без[воз]мездники». В восточнохристианской церкви почитают три пары святых врачей-бессребреников – братьев с именами Косма и Дамиан, которые жили в разное время и в разных странах. Дни их памяти приходятся на 1 июля (римские), 17 октября (аравийские) и 1 ноября (асийские). На Руси с домонгольского периода были известны все три пары, на что указывают множество месяцесловов разного времени с обозначенными днями поминовения бессребреников [Гладышева], поэтому на ковчеге имеются изображения трех пар этих святых.

На стенках ковчега гравированы сцены из жития бессребреников братьев Космы и Дамиана, имеющие сходство с книжной миниатюрой. Такое повествование из жития святых представлено на четырнадцать прямоугольных клеймах на корпусе и на двух боковых трапециевидных клеймах на крышке ковчега (Ил. 2). Парные фигуры святых в образе юношей изображены на ковчеге всегда рядом как единое целое, они выделены размерами – крупные и монументальные – почти в два раза больше, чем болящие и страдающие люди. Братья лечат больных и немощных от «различных недугов»: «от трясовицы», «болящаго от головы», врачуют слепых, хромых, от «болезни зуб», исцеляют «жену слукую»³, воскрешают «сына вдовича», исцеляют бесноватого, из уст которого вылетает мелкая фигурка беса, изгоняют змею, исцеляют верблюда, «разбъенного от дьявола». Чудесные исцеления происходят также и после смерти бессребреников у их раки, в одном из клейм на крышке показано исцеление болящих «ракою святою». Отдельные образы имеют западноевропейское происхождение. К их числу относится гравированное изображение бесноватого в профиль, с широко раскрытым ртом, откуда исходит крылатый демон⁴.

Представляют особую ценность не только изображения святых и сцены из жития бессребреников, выполненные тонкой зигзагообразной линией, но и надписи, сопровождающие эти изображения. С фронтальной стороны корпуса ковчега гравированы шесть сцен жития и надписи: «С[ВЯ]ТАЯ ВРАЧА И/ЗБАВЛЯЕТА ОТ / ТРЯСАВИЦЕ Ч[Е]Л[О]ВИКА»;

---

² Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1991. Т. 4. С. 327.

³ «Слукую» (корень «лук») обозначает 'с кривизной', 'с дугообразным изгибом' или в данном случае – 'сгорбленную'. У В. И. Даля: «слукий церк. сгорбленный, скорченный, калечный» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 4. С. 225). Это же значение у М. Фасмера (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 2003. Т. 3. С. 678). Однокоренное слово «слука» встречается в Евангелии: «жена бе имущи дух недужень летъ осмьдесять, и бе слука: и не могуши восклонитися отнюдь» (Лк 13: 11).

⁴ Подобные изображения известны в мозаиках собора бенедиктинского монастыря Монреале и в западноевропейских рукописях XII в. [Евсеева, с. 188–189].

«С[ВЯ]ТАЯ ВРА[ЧА] ИСЦЕ/ЛЯЕТА ВЕЛЬБЛУ/ДА РАЗБЪЕНАГО / ОТ ДЪЯ/ВОЛА»; «С[ВЯ]ТАЯ ВРАЧА И/СЦЕЛЯЕТА СЛЕ/ПЫЯ И ХРО/МЫЯ / ХРОМ/ЕЦЪ»; «С[ВЯ]ТАЯ ВРАЧА ИСЪ/ЦЕЛЯЕТА СЛЕ/ПЫЯ И ХРО/МЫ/Я»; «С[ВЯ]ТАЯ ВРА(Ч)[А] ПРЕК/Р(А)ТИВША НЕГО ОТ / БОЛЕЗЬ/НИ ЗУ/БЪ»⁵.

На фронтальной и тыльной сторонах ковчега на всех клеймах Косма и Дамиан изображены вместе, но на последнем клейме в этом ряду братья представлены раздельно, между ними – блюдо на высоком поддоне с тремя куриными яйцами, которые поднесены в благодарность за исцеление во имя Святой Троицы. Один из братьев изображен с протянутыми руками к блюду, а другой – со крещенными на груди, как бы отказываясь от дара. Здесь же надпись: «С[ВЯ]ТЫИ КУЗМА И ДЕ/МЪЯНЪ / ПРИТАСЯ / ОТ МЪЗДУ» (Ил. 3). По обоюдному обету братья не должны были брать мзду за лечение, поэтому полученный дар нарушил их единство, которое было восстановлено только после кончины – на последнем боковом клейме ковчега («Успение») бессребреники изображены рядом в одной раке под киворием.

На противоположной стенке ковчега гравированы еще шесть сцен жития и надписи: «СЪ[ВЯ]ТЫИ КУЗМА И ДЕМЪ/ЯНЪ ИЗГОНИТА / ЗМЬЮ»; «С[ВЯ]ТЫИ КУЗМА / И ДЕМЪЯНЪ / ИСЦЕЛЯЕТА / ЖЕНУ СЛУКУ/Ю»; «С[ВЯ]ТАЯ ВРАЧА И/СЦЕЛЯЕ/ТА БОЛЯ/ЩА/ГО»; «С[ВЯ]ТАЯ ВРАЧА ВЪСКРЕ/ШАЕТА / С[Ы]НА / ВДОВИ/ЧА»; «С[ВЯ]ТАЯ ВРАЧА ИС/ЦЕЛЯЕТ(А) / ОТ РАЗЛИ/ЧНЫХЪ / НЕДУ/ГЪ»; «С[ВЯ]ТАЯ ВРАЧА ИСЦЕ/ЛЯЕТА БЕСН[ОВАТ]АГО» (Ил. 4).

На двух боковых стенках корпуса ковчега гравированы сцены из жития бессребреников – рождество и успение с надписями: «Д[Е]ВА / Р[О]Ж[ДЕС]ТВО С[ВЯ]ТОЮ / БЕЗ[ВОЗ]МЕЗЬ/НИКУ / БА/БА» (Ил. 5); «УСПЕНЬЕ С[ВЯ]ТОЮ / БЕЗЪ[ВОЗ]МЕЗЬ/НИКУ» (Ил. 6).

Поясные изображения трех пар святых врачей Космы и Дамиана имеются также на крышке ковчега рядом с изображениями других прославленных на Руси святых (Ил. 7). На длинной фронтальной стороне крышки гравированы поясные изображения одиннадцати чудотворцев. Это святые: Фрол, Лавр, Гурий, Самон и Авив, Спиридон, Николай Чудотворец, Григорий Великий, Борис и Глеб, Елисей с подписями: «АГИ/ОСЪ ФРО/ЛЪ»; «АГИО/С ЛАВЪ/РЪ»; «АГИО/С ГЮ/РИИ»; «АГИО/С САМ/ОНЪ»; «АГИО/С АВИ/ВЪ»; «АГИО/С СПИР/ИДУ/НЪ»; «АГИО/С НИКО/ЛАЕ»; «С[ВЯ]ТЫИ / ГРИГО/РИИ ЧЮДО/ТВО/РЕЦЪ»; «АГИО/СЪ БОРИ/СЪ»; «АГИО/СЪ / ГЛЕ/БЪ»; «АГИОС ЕЛИ/СЕИ / ПР[О]РОКЪ». Особо выделен в ряду образ Николая Чудотворца тем, что помещен в центре. Здесь же на скате крышки на фронтальной стороне с краю в правом углу гравировано: «ПО ТО/И СТОРОНЕ / ТО ВСЕ БЕЗ[ВОЗ](ЪМЕ)/ЗНИКИ».

На противоположной длинной стороне на скате крышки мощевика гравированы еще одиннадцать поясных изображений «святых безвозмездников» (Ил. 7). Это три пары святых врачей – братья Косма и Дамиан «аравитские» (изображенные в чалмах); Косма и Дамиан «купцы», Косма и Дамиан – святые («агиос»); св. целитель Пантелеимон, изображенный в центре; Кир, Иоанн, Самсон, Фалелей с надписями: «С/[ВЯ]ТАЯ БЕЗЪ/[ВОЗ]МЕЗНИ/КА АРА/ВИТЬСЪ/КАЯ» / «КУЗМА / И ДЕ/МЪЯ/НЪ»; «С[ВЯ]ТАЯ / БЕЗЪ[ВОЗ]/МЕЗНИ/КА КУ/ПЦА КУ/ЗМА И ДЕМЪ/ЯНЪ»; «АГИОС»; «АГИ(ОС) / КУЗЪ/МА»; «(АГИОС) / ПАНТЕ/ЛЕИМО/НЪ»; «(АГИОС) / ДЕМЪ/ЯНЪ»; «АГИО/С / КИРЪ»; «АГИ/ОС / ИОА/НЪ»; «АГИО/С / САМСО/НЪ»; «АГИО/С / ФАЛЕ/ЛЕ/И». Справа на скате крышки с краю гравировано: «ПО ТО/И СТОРОНЕ / ТО ВСЕ ЧЮДО/ТВОРЦИ».

⁵ Все резные надписи приводятся в упрощенной орфографии и прописными буквами. Даты даны в цифровом выражении, выносные буквы – в строке в круглых скобках, сокращения (титла) раскрываются в квадратных скобках. Разделение надписи на строки или части обозначено косой чертой: /.

На двух коротких боковых скатах крышки гравированы сцены жития и надписи: «СЛЕПИ И / ХРОМИИ / ИСЦЕЛЯ/ХУСЯ / РА/КО/Ю С[ВЯ]ТО/Ю», «ВРАЧЮЕ/ТА БОЛЯЩАГО / ОТ / ГЛА/ВЫ». Внизу крышки ковчега – узкая гладкая полоса в виде фриза с гравированной надписью молитвы святым врачам-бессребреникам Косме и Дамиану, проходящей по четырем сторонам предмета: «С[ВЯ]ТАЯ БЕЗ[ВОЗ]МЕЗНИКА И ЧЮДОТВОРЦА ПОСЕТИТА НАСЪ В БОЛЕЗНЕ(Х) НАШИ(Х) ТУНЕ ПРИЯСТА ТУ(НЕ) ЖЕ И ДАДИ(Т) / КО[Н](А)[АК] БЛ[А]Г[О](А)[А]ТЬ ПРИЕМША И/СЦЕЛЕ(Н)[И]Ю ПР(О)СТ(И)РАЕ(Т) [Е] ЗДРА(В)ИЕ БО(Л)[Я]ЩИ(М) ВРА(Ч)И ЧЮ(Д)[О]ТВОРЦ(А) С(Л)[А]ВН(А)Я НЫ ВАЮ ПОСЕЩ(Е)НЬИЕ(М) ГОРДЫ(Н)[Ю] ПР(О)Т(И)ВНЫ(Х) НИЗЛО(Ж)[И]СТА МИРА ИСЦЕЛЯ/ЮЩА ЧЮДЕСЫ»⁶ (Ил. 3, 4, 5, 6). В начале надписи гравирован крест на ступенчатой Голгофе.

На узкой полоске сверху крышки ковчега гравированы шестиконечный крест и молитвенная надпись с именами кузнеца Самуила и двух писцов – Елисея и Леонтия: «Г[ОСПОД]И ПОМОЗИ САМОИЛОВИ КУЗНЬЦЮ И ЕЛИСЕИЕВИ ПИСЦЮ И ЛЕВОНТЬИЕВИ П[И]СЦЮ» (Ил. 7).

Подобная форма краткой молитвенной надписи была широко распространена на Руси в домонгольский период. Она встречалась на драгоценных богослужебных крестах⁷, змеевиках⁸, крестах-тельниках⁹, в рукописных книгах¹⁰, на стенах храмов¹¹ и др. Изучение подобных надписей позволяет выявить имена древнерусских мастеров¹². В отличие от ранее известных надписей, на медном ковчеге указаны три имени, поэтому следует дать ответ на вопрос: какую работу выполнили указанные в надписи кузнец Самуил, писцы Елисей и Леонтий? Для ответа на этот

⁶ Надпись на ковчеге повторяет текст Студийско-Алексиевского Типикона 1034 г. и несколько отличается от более позднего текста тропаря, глас 8 и кондака, глас 2 святым бессребреникам Косме и Дамиану: «Святити безсребреници и чудотворци Космо и Дамиане, посетите немощи наша: туне приясте, туне дадите нам»; «Благодать приимше исцелений, простираете здравие сущим в нуждах, врачеве, чудотворци преславнии, но вашим посещением ратников дерзости низложити, мир исцеляюще чудесы» (см.: [Макаров]; Кондаки и икосы св. Романа Сладкопевца на некоторые дни святым, некоторые дни недели, на двенадцатые праздники и на каждый день страстной седмицы / Пер. диакона Сергия Цветкова. М., 1881. С. 14–17).

⁷ Схожая подпись имеется на драгоценных предметах домонгольского периода: на оборотной стороне в нижней части золотого креста 1161 г., заказанного Евфросинией Полоцкой: «Г[ОСПОД]И ПОМОЗИ РА/БОУ СВО/ЕМОУ ЛАЗО/РЮ НАРЕ/ЧЕНОМОУ / БОГЪШИ / [С]ЪДЕЛАВЪ/ШЕМОУ / КРЪСТЬ / СИИ...» [Алексеев, с. 232]; на двух серебряных крестиках новгородской работы XII в.: «Г[ОСПОД]И ПОМОЗИ РАБУ СВОЕМОУ...» [Декоративно-прикладное искусство, с. 108–116]; на воздвизальном шестиконечном кресте, привезенном из Царьграда архиепископом Антонием: «ГОСПОДИ ПОМОЗИ РАБОУ СВОЕМОУ АНТОНУ [А]РХ[...] У НОВГОРОДЪСКУМУ ДАВШОМУ КРЪСТЬ ... СТОИ СОФИИ» [Декоративно-прикладное искусство, с. 134].

⁸ Подобная надпись сделана на оборотной стороне золотой Черниговской гривны XI в.: «Г[ОСПОД]И ПОМОЗИ РАБОУ СВОЕМОУ ВАСИЛИЯ...» [Медынцева, 1991, с. 133]. На Суздальском змеевике надпись вырезана на темно-зеленой с красными прожилками яшме в XII в.: «Г[ОСПОД]И ПЪМЪЗИ РА[БОМА СВ]ОИМА...» [Медынцева, 2000, с. 192].

⁹ На каменном натальном четырехконечном крестике XII–XIII вв., который найден при раскопках в Северо-Восточной Руси, имеется молитвенная надпись: «Г[ОСПОД]И ПОМ/ЪЗИ Р/(А)БУ СВЪЕМ(У) / ВЛАСИЕВИ [А]МИН[Ъ]» [Медынцева, 2000, с. 186].

¹⁰ На книгах встречается широко распространенная молитвенная запись писцов: «Господи, спаси, помози раба...» [Столярова, Каштанов, 2010, с. 137, 150].

¹¹ Молитвенная надпись, позволяющая выяснить имя автора росписи, сделана на стене новгородского Софийского собора в середине XI – начале XII в.: «Господи, помози рабу своему. Стефан писал, когда расписывали святую Софию» [Медынцева, 2000, с. 76–77].

¹² Например, на каменном четырехконечном натальном крестике (6,3 × 5,1 × 1,5 см) середины – второй половины XII в., найденном на острове Готланд, имеется надпись с именем русского мастера: «ТУНА КОВАЛЬ ГРЕШНОЕ», которая свидетельствует, что кузнецом-торевтом изготовлена драгоценная оправа на этот крест, которая не сохранилась до наших дней. При публикации этого памятника надпись определена как «владельческая», но в конце статьи исследователем сделан вывод: «как следует из текста надписи, крестик был сделан ювелиром Туной, вероятно, где-то в северорусских землях, возможно, в Новгороде...» [Медынцева, 2000, с. 182–185]. Несомненно, эта надпись в четыре строки в центре сланцевого «корсунского» крестика была вырезана ювелиром Туной перед установкой драгоценных деталей оклада – четырех наконечников, соединенных цепочками или проволочными жгутами, и накладных деталей в центре креста, которые полностью закрывали надпись на камне.

вопрос и для уточнения атрибуции ковчега необходимо исследование своеобразия формы, декора и технологических приемов его изготовления.

Форма медного золоченого мощевика с четырехскатной крышкой имеет сходство с каменными раками XI–XIII вв. для целокупных мощей с узким прямоугольным или трапециевидным удлиненным корпусом и с уплощенной четырехскатной крышкой [Беляев, с. 101–102]. Конструкция и форма краковского медного ковчега аналогична деревянной полихромной раке (размер: 193 × 63 × 43 см) с мощами сербского короля Стефана Уроша III Дечанского (1276–1331), которая была изготовлена в 1343 г. в византийских традициях сербским мастером. Рака украшена накладным резным плетеным ажурным орнаментом с изображениями львов и пантер, а фон узора закрыт кожей и накладными серебряными пластинами¹³ (Ил. 8). Но характер декора, материалы и техника изготовления деревянной раки и медного ковчега имеют отличия.

Можно предположить, что форма, конструкция и характер декора медного ковчега из краковского собора аналогичны несохранившимся древнерусским мощевикам и драгоценным ракам для целокупных мощей домонгольского времени, имевшим схожие конструктивные детали: крышку с невысокой четырехскатной «кровлей», орнаментальные «столбцы» (пилястры), сделанные по четырем углам корпуса, надпись на фризе под крышкой.

Вверху медного ковчега на крышке имеется С-образная кованая рукоять, предназначенная для удобства перемещения мощевика, которая хорошо известна на западноевропейских произведениях. Рукоять изготовлена из медного прутка, круглого в сечении, с округлыми шариками на окончаниях, подвижно закреплена на две скобы (Ил. 7). Сохранились аналогичные деревянные готические ларцы западноевропейской работы XIV в., на крышке которых крепятся металлические С-образные рукояти. Ларцы изготовлены из дерева, прямоугольные в плане с четырехскатной крышкой, обтянутые кожей с рельефными изображениями или украшенные костяными резными пластинами с металлическими обкладками. К их числу относится ларец из коллекции Филадельфийского музея, украшенный полихромной кожей с чеканными линейными изображениями всадников, стилизованных зверей и птиц, с медными оковками, изготовленный в 1360 г. в Бургундии (размер: 41 × 13,5 × 13 см) (Ил. 9).

Второй ларец сделан в Южной Франции в конце XIV – начале XV в., его корпус и крышка обтянуты частично позолоченной полихромной кожей с рельефными сюжетными изображениями в клеймах килевидной формы, а поверхность окована железными обкладками (размер: 65 × 23 × 18 см) (Ил. 10). Подобные металлические рукояти нередко встречаются на крышках мощевиков XIV в., изготовленных западноевропейскими мастерами из кости с металлическими обкладками¹⁴.

Плавно изогнутая откованная из медного прутка подвижная рукоять С-образной формы, крепящаяся на двух шарнирах на крышке краковского мощевика, является оригинальной деталью, которая выполнена под влиянием западноевропейских образцов – деревянных ларцов с четырехскатной крышкой. Рукоять изготовлена одновременно с другими накладными частями ковчега: тремя шарнирами с парными накладками, крепящимися к крышке и к корпусу ковчега, накладным замком в виде крючка и петли, а также узкими длинными стержнями с желобком, закрепленными на корпусе и на крышке, с целью упрочнения всей конструкции предмета. Рукоять и другие накладные детали крепятся на идентичных клепках. Схожую форму имеет

¹³ Рака. Сербия. Около 1343 г. Дерево, пигмент, кожа, серебро. Деревянный саркофаг, изготовленный в виде гроба прямоугольной вытянутой формы с четырехскатной крышкой. Изначально он был ярко окрашен, частично обит кожей и серебряными тонкими пластинами [Byzantium, p. 114–115].

¹⁴ Подобной формы металлические рукояти крепились на верхних крышках реликвариев, изготовленных западноевропейскими мастерами в XIII и XIV вв. Такие мощевики, прямоугольные в плане, с плоской крышкой, сделанные из костяных пластин с рельефными священными изображениями с металлическими оковками, сохранились в собрании Государственного Эрмитажа [Крыжановская, с. 38–39, 83].

железная кованая рукоять, закрепленная на верхней деревянной крышке переплета древнерусского Службника первой половины XIV в. Доски верхней крышки кодекса скреплены коваными железными оковками и четырьмя гладкими наугольниками по углам [Вздорнов, № 14].

Художественные ремесла на Руси в XIII–XIV вв. развивались при тесном взаимодействии русских и иноязычных мастеров, искавших прибежища в отдельных сравнительно благополучных землях Галицко-Волынской Руси, где восстанавливались города от последствий монгольского нашествия, разорений и пожаров. Об этом сообщает Ипатьевская летопись: «Егда Батый всю землю Рускою поима, тогда и ц[е]р[к]в[о]вь с[в]я[т]ои Троице зажьжена бы(с)[ть] и паки создана бы(с)[ть], видивъ же се кн[яз]ь Данило яко Бо[г]у поспевающу месту тому нача призывати приходае Немце и Русь иноязычники и Ляхы идяху д[е]нь и во д[е]нь и уноты и мастере всяции бежаху ис Татаръ, седельницы и лучницы¹⁵ и тулници¹⁶ и **кузнице железу и меди и серебру** (выделено нами. – В. И.) и бе жизнь и наполниша»¹⁷. Из перечисленных в летописи мастеров, владевших навыками художественных ремесел и работавших у князя Даниила Романовича (1204–1264), кроме кузнецов по железу, серебру и меди для работ по изготовлению предметов церковной утвари могли привлекаться также «седельницы» или «седельщики», которые изготавливали не только кожаные седла, но и переплеты богослужебных книг [Мокрецова, с. 40].

Можно предположить, что указанные в гравированной молитвенной надписи на крышке ковчега кузнец Самуил, писцы Елисей и Леонтий являлись авторами, участвовавшими в практической работе по изготовлению мошевика, в проектировании его формы, составлении иконографической программы жития бессребреников Космы и Дамиана, а также изображений других святых и надписей. Для этого в ходе исследования следует восстановить основные этапы и последовательность всех технологических операций изготовления ковчега, что позволит предположить причастность к его созданию кузнеца и двух писцов.

Перед осуществлением практической части работы первоначально был сделан проект мошевика, где отражены его общая форма, размеры и пропорции, иконографическая программа всех изображений, намечены тексты надписей, спроектирован орнамент. Вероятно, кузнец Самуил – мастер-торевт, имя которого приводится первым в надписи на крышке мошевика, – изготовил и полностью собрал (смонтировал) этот предмет, состоящий из гладких тонко раскованных медных пластин, затем спаял все детали и скрепил их на клепки, а в завершение – позолотил. Следует отметить, что средневековых мастеров, изготавливающих предметы из серебра, называли «кузнице серебру», «среброделательницы», «среброковачи». Ремесленников, работавших с медью или медными сплавами¹⁸, именовали: «кузнице меди», «медники», а с железом – «кузнице железу»¹⁹. Однако при необходимости средневековые мастера-серебряники могли исполнять заказы и делать предметы также из золоченой меди или золоченой «мягкой» жести, а медники – расковывать серебряные слитки²⁰.

---

¹⁵ «Лучницы» – ‘воин, вооруженный луком’ (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 2. С. 272). Но в данном контексте – это мастера-оружейники, изготавливающие луки со стрелами.

¹⁶ «Тулници» – ‘тудовые, тульные или колчаные мастера (тульники)’ (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 442).

¹⁷ ПСРА. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 843.

¹⁸ Древнерусские металлические предметы изготавливались из медных сплавов с различным содержанием чистой меди, которые именовались: «красная медь» (с высоким содержанием в сплаве чистой меди) или «зеленая медь» (с высоким содержанием в медном сплаве различных металлов – олова, цинка, свинца и др.).

¹⁹ Наименование мастеров, прежде всего, обусловлено техникой и материалами, используемыми в работе (см.: [Игошев, 2022, с. 13]; ПСРА. Т. 2. Стб. 843).

²⁰ Известно, что в конце XVI – начале XVII в. строгановские серебряники на иконы для сольвычегодского Благовещенского собора делали басменные оклады из мягкой золоченой жести [Игошев, 2018, с. 21–22], а в начале 1630-х гг. московский котельных дел мастер Дмитрий Сверчков ковал из серебряных слитков крупные пластины, необходимые для изготовления чеканной раки царевича Димитрия, десяти лампад и трех водосвятных чаш [Забелин, 1853, с. 130].

Гладкие пластины меди, согласно замыслу и эскизу, размечались, раскраивались и разрезались на части, затем сгибались, подгонялись, состыковывались и спаивались между собой «крепким» серебряным припоем²¹. В результате из тонких металлических пластин (толщиной 0,5–0,8 мм) были изготовлены корпус ковчега с гладкими стенками и крышка в виде усеченной пирамиды. Места соединения пластин проковывались молотом на железной наковальне, все неровности, затеки припоя срезались скобелем²² и обрабатывались напильником²³. Отковывались также накладные детали различной формы и размеров – в виде длинных стержней-кантов с узким желобком, накладки для крепления шарниров и замка, рукоять, а также другие детали. Соединение различных частей при помощи расплавленного припоя и флюса производилось на горячих древесных углях в горне или на жаровне²⁴. Такой способ пайки, используемый средневековыми мастерами, был хорошо известен еще древнеегипетским и античным ремесленникам.

Можно предположить, что писцами Елисеем и Леонтием на бумаге или непосредственно на гладких стенках и крышке ковчега была сделана разметка изображений и надписей²⁵. Гравированные изображения жития святых врачей Космы и Дамиана и поясные образы других святых на ковчеге напоминают изображения, которые встречаются в книжной миниатюре и выполнены древнерусскими писцами-изографами.

На Руси «писцами» называли не только каллиграфов – переписчиков книг [Столярова, Каштанов, с. 127–156], но также иконописцев, знаменщиков или изографов. В тексте XIV в. говорится, что «иконии писци, егда хотя(т) красну икону писати преизлиха, ину доброту о(т) иноа взираю(т)»²⁶, что свидетельствует о тождестве слов: «иконии писци» и «иконописцы». Древнерусские «писцы», «писчики», «изографы» делали проекты или вырезали (гравировали) тонкой линией различные изображения на церковной утвари, окладах икон, оружии, пиршественной посуде и др., тесно взаимодействуя с мастерами серебряного и золотого дела и оружейниками [Игошев, 2019].

Не сохранились сведения о совместной работе древнерусских изографов-знаменщиков и мастеров серебряного дела раннего Средневековья, но известны примеры совместной работы ювелиров и знаменщиков XVI–XVII вв. Например, в сольвычегодских мастерских Строгановых над выполнением многочисленных вкладов в храмы и монастыри трудились словопис-

²¹ При изготовлении корпуса и крышки ковчега тонкие медные пластины соединялись между собой при помощи пайки «внахлест». Пропаянное и прокованное соединение медной пластины в виде дуги имеется на гладкой длинной полосе внизу крышки ковчега слева в начале гравированной надписи: «КО[Н]Д[АК] БЛАГО(Д)[А]ТЬ...».

²² «Скобель», или «шабер», – плоская стальная пластина, остро заточенная с одной стороны, укрепленная на деревянной ручке. Использовалась для выравнивания гладких плоских поверхностей серебряных изделий, предварительно смазанных маслом [Барков, с. 9].

²³ «Напильники», «подпилки», «пилы» применялись при подгонке деталей в процессе монтировки изделий или при опиливании швов спаиваемых деталей, удалении излишков припоя и т. д. Об изготовлении напильников из железной полосы, которая с двух сторон насаждается зубилом с последующим закаливанием, писал в конце XI – начале XII в. художник-ювелир бенедиктинский монах Теофил в главе 17 своего трактата (Theophilus on Divers Arts. The Foremost Medieval Treatise on Painting, Glassmaking and Metalwork. New York, 1979). Напильники широко использовались на протяжении всего Средневековья, они отмечены также в письменных источниках XVII в.: «пять пил», «пилы» (Троицкий В. И. Словарь московских мастеров золотого, серебряного и алмазного дела XVII века. Л., 1928. Вып. 1. С. 61; Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. М., 1883. Вып. 2. С. 519).

²⁴ Жаровня представляла собой железный противень с длинной ручкой, заполненный древесным углем. Температура нагрева, необходимая для пайки, усиливалась благодаря притоку воздуха от мехов, опахла или февки – конусообразной металлической паяльной трубки, слегка сужающейся книзу. Для запаивания или отжига металла через более широкий конец февки мастер непрерывно дул на огонь паяльной лампы – железного сосуда с маслом и горящим фитилем [Барков, с. 19; Минасян, с. 129, 338, 339].

²⁵ Древнерусские изографы «знаменили», то есть создавали «бумажные образцы» – делали прориси или изображения, надписи, орнамент для различных произведений искусства, на бумаге, на кальке (промасленной бумаге) или рисовали специальными нестирающимися чернилами на поверхности самих предметов [Игошев, 2019, с. 20].

²⁶ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 4. С. 137.

цы (писцы-изографы), иконописцы, серебряники и крестечники (резчики по дереву и кости) [Игошев, 2018, с. 12–25]. С 1590-х по 1604 г. писцы-знаменщики братья Стефан и Федор Басовы составляли эскизы монограмм для работы мастеров-серебряников²⁷.

В XVII в. «писцами» в «Царицыной палате» трудились иконописцы Иван Ферাপонтов и Дмитрий Третьяков, а «травщиками» работали Иван Некрасов, Иван Иванов, Петр Ремезов. Универсальным и выдающимся знаменщиком, сочетавшим в себе таланты иконописца, каллиграфа (словописца) и художника по орнаменту (травщика), был Карп Тимофеев²⁸. В отдельных случаях наиболее опытные ювелиры могли самостоятельно «знаменить» на бумаге (сделать проект предмета), а затем воплотить свой замысел в драгоценном материале. Нередко они создавали предметы «против образца», копируя более древние и почитаемые произведения церковного искусства, или использовали возможности зрительной памяти²⁹.

Для того чтобы понять, какую часть работы выполнили кузнец Самуил и писцы Елисей и Леонтий, необходимо изучить последовательность всех операций, которые производились над ковчегом. После того как тонкие пластины, составляющие корпус и крышку краковского ковчега, были спаяны, зачищены и отшлифованы, следующим этапом работы были разметка и гравировка изображений и надписей. Можно предположить, что в этой работе принимали участие оба писца, где основная роль отводилась изографу-знаменщику, а второй писец мог быть исполнителем-гравером³⁰.

²⁷ Писцы братья Басовы при участии других писцов создали замечательный памятник русского книжно-рукописного искусства с многочисленными образцами орнаментов и шрифтов, который в публикациях упоминается как «Азбука и образцы заставок», «Каллиграфический подлинник», «Азбуковник», «Книгописный подлинник» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 115 (Коллекция рукописных книг). № 160). Об этом памятнике см.: [Маркелов, с. 687; Мудрова, с. 211–215]. В данном рукописном сборнике на л. 135–140 изображены чернилами и пером сложной вязью в круглых медальонах различные образцы владельческих надписей (монограмм) для Никиты Григорьевича Строганова в сочетании с названиями серебряных предметов светского характера: «ковш», «братина», «стопла», «кубок», «блюдо», «лохань», «рукомойник», «сковорода», «ставец», «рассольник», «чернильница», «солонка», «лимонник» и др., предназначенные для мастера серебряного дела (гравера), который должен был «подписать» серебряные предметы, принадлежавшие Никите Григорьевичу Строганову [Игошев, 2021].

²⁸ Самые опытные знаменщики, работавшие в Кремлевских мастерских, были способны на «многие дела»: работали «по иконному делу», рисовали узоры, делали надписи, а другие ограничивались узким направлением – «по словописному» или «по травному делу». Сохранились сведения, что Карп Тимофеев «знаменил многие дела ... по иконному, святительские шапки и саки и амфоры и патрахели и удары и резные и стихарные оплечья и поручи; плащаницы и на церковные сосуды покровцы и воздухи и гробные покровы и на пеленах святых отец деяние и столповые слова около покровов и воздухов и пелен и подписи; всякое травное дело знаменит; а прежний же знаменщик Петр Ремезов знаменил одно травное дело, а по иконному знаменит и словописного дела подписей писать не умеет; а знаменил прежде сего, по иконному, его (Карповы) братья, иконники» [Забелин, 1872, с. 669].

²⁹ Средневековые мастера при создании вещи воспроизводили «по памяти» форму, священные изображения и орнаментацию наиболее почитаемых, значимых и глубоко укоренившихся в их сознании произведений. Ярким примером подобного копирования является надпись, сделанная на верхней части серебряного оклада восьмиконечного напрестольного креста 1625 г. «строения» попа Артемия: «ПОДОБИЕ И МЕРА С КР(С)ТА ВДЕННАГО ЛЕТА 7137 (1625) МАРТА 25 НА ПРАЗДНИКЪ ПР(С)ТЫЯ ВЛ(Д)ЧЦЫ НАШЕЯ БЦЫ ЧЕСНАГО И СЛАВНАГО ЕЯ БЛГОВЕЩЕНИЯ ОБЛОЖЕНЪ ОНЪ Ч(С)ТНЫ І ЖИВОТВОРЯЩАИ КР(С)Т ЦРКВНЫМИ ДЕ(Н)ГАМИ [...], А СТРОЕНИЕМЪ ПЯТНИЦКОГО ПОПА АРЪТЕМИЯ». Надпись приводится по публикации архимандрита Макария, отмечавшего: «Но что это за крест виденный, с которого снят описываемый нами крест, где и кем был он виден, неизвестно» [Макарий (Миролюбов), с. 324]. Мы можем предположить, что священник Артемий, служивший в церкви Параскевы Пятницы, был не заказчиком, а автором, изготовившим данный напрестольный крест.

³⁰ Нередко в документах отмечается, что писцы, изографы, иконописцы не только проектировали («знаменили») различные произведения, но и занимались практической работой – резбой надписей, изображений, орнамента. На многих древнерусских предметах, выполненных в различных техниках, надписи непременно гравировались или «подписывались». В документах XVI в. отмечалось, что такие серебряные предметы мастера-резчики «подписывали», то есть гравировали надписи: «того ж дни дано серебряному мастеру Поспелку Лукьянову четыре алтыны, подписал он дватцать ковшов серебряных большие казны, а потпись на ковшах Чюдова и сколько гривенок и золотников во всяком ковше». Ему же «дано десять денег от подписи, что он вырезывал на погребных на серебряных ковшах, что в котором ковше весу» (Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. / Подгот. текста С. Н. Богатырева. М., 1996. С. 72, 76).

На гладкой поверхности корпуса и крышки ковчега острым резцом вырезались священные изображения и наносились тонкие, зигзагообразные линии. Такая техника гравировки, или «рези»³¹, встречается на многочисленных произведениях, а используемые инструменты назывались: «резцы», «рыльца» (штихели)³². Изображения святых, надписи и растительный орнамент на ковчеге выполнены зигзагообразными линиями, которые часто встречаются в декоре на древнерусских серебряных предметах XIII–XIV вв., например на парных колтах XIII в. (Ил. 11) и на двустворчатых узких браслетах-обручах [Игошев, 2017], которые своим происхождением тесно связаны с византийской культурной традицией и с Романским ювелирным искусством.

Отдельные резные линии на ковчеге сделаны тонкими, например, это парные параллельные линии на стенках, разделяющие житийные клейма. На поверхности корпуса и крышки медного ковчега все изображения и надписи выполнены резцами до присоединения (монтажки) на клепки накладных деталей. После гравировки к граням корпуса и крышки ковчега присоединены различные детали: узкие полоски-канты с неглубоким С-образным желобком, на крышке добавлена рукоять, закрепленная на двух скобах (Ил. 7). На передней стенке сделан замок в виде крюка, который изготовлен из тонкого круглого в сечении изогнутого стержня, накидывающегося на круглую скобу (Ил. 3). Четырехскатная крышка крепится к корпусу на трех шарнирах. Каждый шарнир состоит из парных пластин, приклепанных к задней стенке корпуса ковчега и к крышке (Ил. 4). Все накладные детали, закрепленные на идентичные клепки с полусферической шляпкой, присоединены после гравировки, поскольку они частично перекрывают резные элементы декора.

По углам четырех стенок ковчега припаяны узорчатые полоски («столбцы»), расположенные вертикально и украшенные гравированным орнаментом вьющейся виноградной лозы сложного и более упрощенного рисунка (Ил. 5, 6, 12). Накладные полоски с гравированным узором лозы напоминают «столбцы» или пилястры, украшающие корпус древнерусских больших серебряных рак XVI–XVII вв. работы кремлевских мастеров. Каждая из четырех полосок прямоугольной формы согнута под углом 90 градусов и припаяна по углам корпуса медного ковчега (Ил. 12). Стилизованный узор вьющейся лозы с плавно изгибающимися волнообразным стеблем и отходящими от стебля отростками и листьями с зубчатой кромкой схож с образцами золотоордынской орнаментации XIII–XIV вв.

Аналогичный орнамент вьющейся лозы гравирован на золоченых ободках серебряных сосудов – на чаше (Ил. 13) с чеканным изображением льва на дне и на ковше (Ил. 14), изготовленных русскими мастерами в первой половине XIV в. под влиянием золотоордынских образцов, подобных тем, что входили в состав Щигровского клада³³. Схожий растительный узор

³¹ В письменных источниках «резь» отмечается также как техника резьбы не только по металлу, но и по кости, дереву, камню и другим материалам: «резь кость рыба...», «резь на кости», «резь на дереве». На различных предметах церковной утвари резные изображения, надписи или орнамент нередко выделялись золочением: «... в кругах слова резь золочена» (см.: Тихонравов К. Описная книга суздальского Спасо-Евфимиева монастыря 1660 года // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1878. Т. 2. С. 1–46).

³² Резцы представляли собой короткие, узкие, остро заточенные под углом полоски стали, укрепленные на деревянной ручке. Такие резцы XII в., найденные археологами, были опубликованы [Древняя Русь, с. 291, табл. 107, 13]. В XVII в. мастера, работавшие в Кремлевских мастерских, использовали для гравировки по серебру, золоту и медным сплавам западноевропейские резцы – «рыльца немецкие» (Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. С. 519), а затачивали режущий инструмент с помощью абразивных камней, которые отмечены в письменных источниках: «3 камня, чем рыльца острят, [купленные] по 8 гривен» (Троцкий В. И. Словарь московских мастеров золотого, серебряного и алмазного дела XVII века. Л., 1930. Вып. 2. С. 141).

³³ Первоначально серебряные сосуды клада, найденного в 1952 г. недалеко от деревни Щигрово Рязанской области, были отнесены к 1237 г. [Ерохин]. А. Л. Монгайт наиболее вероятной датой клада считал XII–XIII вв. [Монгайт, с. 303]. Однако все вещи Щигровского клада (35 серебряных гривен и 3 серебряных сосуда) следует датировать первой половиной – серединой XIV в. [Крамаровский, с. 204–205; Янющкина].

украшает венцы золотоордынских чаш, кубков, ковшей и другие предметы XIII–XIV вв. [Крамаровский, с. 88, 113, 139, 146].

Одновременно с шарнирами и другими накладными деталями грани медного ковчега (на крышке и на корпусе) были украшены узкими длинными полосками-кантами, С-образными в сечении, которые крепились на клепки с полусферической шляпкой (Ил. 12). Такие полоски-канты являются не только украшением – прежде всего, это важный технологический прием, благодаря которому значительно укрепляется общая конструкция корпуса и крышки ковчега, усиливая и подчеркивая грани. В письменных источниках ковчаная металлическая обкладка разнообразной формы именовалась: «оков» или «оковец»³⁴.

Подобный прием декора и усиления конструкции предмета узкими оковками – металлическими кантами с желобками – не встречается на византийских и западноевропейских средневековых памятниках, но повторяет образцы золотоордынских ковчаных серебряных предметов XIII–XIV вв., которые должны отличаться особой прочностью, так как сопровождали владельца в пути, являясь традиционной принадлежностью кочевников. Золотоордынскими торевтами в XIII–XIV вв. узкие канты-желобки были накованы по краю венцов серебряных чаш [Федоров-Давыдов, с. 167; Крамаровский, с. 220]. Схожее ковчаное утолщение с желобком сделано на венце округлого серебряного ковша XIV в. с гравированной славянской владельческой надписью: «СЕ КОВШЬ ДМИТРИЯ КРУЖДОВИЧА ...»³⁵ (Ил. 15). Такие же узкие желобки вырезаны по краю серебряных литых деталей конского убора и по краю чеканной серебряной рукояти ковша, сделанного из морской раковины [Сокровища Золотой Орды, с. 92–97]. Узкие канты-желобки на медном ковчеге-мошевике из церкви Св. Марии, а также «накованные» или вырезанные по ободкам ковшей, чаш и других вещей, создают впечатление завершенности, массивности и являются ребром жесткости, положительно влияющим на излом и прочность предмета. Поясные серебряные и золотые чаши были одним из характерных атрибутов монгольской всаднической культуры. Конструктивные и технологические особенности их изготовления и стилистика орнамента оказали большое влияние на типологию, стиль и технологические особенности изготовления древнерусских предметов. Узкие канты-желобки имеются на многочисленных древнерусских серебряных и золотых предметах XIV–XVII вв. Схожие узкие С-образные в сечении канты «наковывались», «наводились» или припаивались в виде узких полосок по краям серебряных и золотых крышек раков³⁶, ковчег-мошевик³⁷, вырезались или чеканились по венцам чаш и крышек кадил, дискосов, дорных тарелей, потиров³⁸ (Ил. 16), на

---

³⁴ Металлические обкладки, изготовленные в техникековки, предназначались «для укрепления или украшения чего-либо» (Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года: Комментированное издание / Сост. З. В. Дмитриева и М. Н. Шаромазов. СПб., 1998. С. 366).

³⁵ На плоской рукояти ковша в виде остроконечного листа чеканено изображение орла, а на дне по краю круглого медальона с растительным орнаментом имеется арабская надпись «царь», повторенная четыре раза [Николаева, с. 207–208].

³⁶ Узкие гладкие желобки, предназначенные для крепления утраченной жемчужной обниси, чеканились на полях и на венцах серебряных и золотых крышек раков святых Сергия Радонежского 1555–1585 гг., царевича Дмитрия 1628–1630 гг., Кирилла Белозерского и Александра Свирского 1642/1643 г.

³⁷ Такие же узкие канты с желобками украшают крышки серебряных ковчег-мошевик, сделанных царскими мастерами по замыслу Бориса Годунова с 1598 по 1604 г. в виде миниатюрных саркофагов с плоской крышкой с горельефными чеканными или гравированными изображениями святых. Мошевики были предназначены для грандиозного, но неосуществленного проекта – возведения в Москве храма, который повторял бы иерусалимский храм Гроба Господня. Всего в царской казне при домовом Благовещенском соборе хранилось более 100 миниатюрных ковчег-мошевик. Лишь небольшая часть этих предметов дошла до нашего времени (Государственный музей-заповедник Московский Кремль) [Журавлева, 1997; Журавлева, 2003].

³⁸ Например, узкие накованные канты-желобки сделаны по венцу чаши древнерусского золотого потира XV в. из Благовещенского собора Московского Кремля [Стерлигова, Турилов]. Узкие гладкие желобки украшают серебряные потиры и дорные тарели середины XVII в. Благодаря таким утолщениям, сделанным по краю венцов чаш потиров и по краям дорных тарелей, предметы производят впечатление очень массивных и тяжелых [Игошев, Ченцова, с. 193].

богослужебных крестах, верхних крышках окладов Евангелий³⁹, окладах икон и предметах питьевой посуды. Такие узкие канты накованы по венцу и рукояти серебряного ковша середины XVI в., принадлежавшего основателю сольвычегодской ветви именитых людей Строгановых – Иоанникию Федоровичу (Анике) [Игошев, 2014, с. 64].

Подобные узкие резные желобки украшали также бронзовые предметы, например кадила русской работы конца XIV в. из суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. Корпус и крышка этого кадила декорированы гравированным орнаментом гибискуса и вьющегося стебля с ягодами, выполненными под влиянием золотоордынских произведений [Игошев, 2007; Игошев, 2012б] (Ил. 17).

* * *

В ходе исследования выявлены особенности типологии и техники медного золоченого ковчега из храма Св. Марии в Кракове, изготовленного русскими мастерами – кузнецом Самуилом, изографами-писцами Елисеем и Леонтием – для мощей святых врачей-бессребреников Космы и Дамиана. Высокий художественный уровень, продуманное и рациональное решение конструкции ковчега, выверенная взаимосвязь его формы и декора позволяют предположить, что реликварий воспроизводит лучшие образцы утраченных небольших серебряных мощевиков, а также крупных рак для целокупных мощей домонгольского периода⁴⁰. Конструкция и форма краковского ковчега имеют сходство с раками византийского типа и с ларцами работы западноевропейских мастеров первой половины XIV в. Стилистика гравированных священных изображений – клейм жития Космы и Дамиана, поясных изображений святых и растительного орнамента, технико-технологические особенности его изготовления и палеография надписей позволяют датировать этот памятник первой половиной XIV в.

Под влиянием золотоордынских драгоценных предметов на стенках корпуса ковчега гравирован стилизованный орнамент вьющейся лозы, а на гранях стенок и крышки сделаны накладные длинные узкие полоски с желобком, крепящиеся на клепках, подчеркивающие и усиливающие конструкцию мощевика и придающие ему прочность. Конструкция ковчега и технико-технологические особенности его изготовления, а также стилистика гравированных изображений ориентированы на византийские традиции, но пропорции ларца и отдельные элементы декора (рукоять, шарниры) выполнены под влиянием западноевропейских образцов. Все накладные детали – дугообразная рукоять, детали шарниров, крючок с петлей – были изготовлены одновременно с корпусом и крышкой мощевика, но присоединены после окончания гравировки изображений и надписей, поэтому эти накладные детали частично перекрывают гравированный декор.

Вероятно, медный золоченый ковчег для мощей святых врачей Космы и Дамиана с гравированными священными изображениями и кириллическими надписями был изготовлен в Галицко-Волинских землях – наименее пострадавших от монгольского разорения, где работали выдающиеся архитекторы, художники и скульпторы, создавшие замечательные произведения

³⁹ Подобные узкие полоски с желобком часто использовались для крепления жемчужной обниси на серебряных окладах Евангелий XVI в. работы царских мастеров. Причем такие канты были гладкими, иногда с петельками или с мелкими шариками с отверстиями, через которые протягивалась проволока с нанизанным жемчугом [Игошев, 2012а].

⁴⁰ Не сохранилось ни одного русского саркофага, сделанного из серебра или золота ранее середины XVI в. Однако в летописях, житийной литературе и других письменных источниках имеются описания или упоминания о золотых и серебряных чеканных окладах каменных рак работы русских ювелиров XI–XV вв. [Игошев, 2022].

церковного искусства, среди которых Ипатьевская летопись отмечает «хытреча» Авдея⁴¹. Через Галицко-Волынские земли «проходили важнейшие торговые пути общеевропейского значения, выводившие на Краков, Прагу, Регенсбург и Гданьск, а город Дрогичин на Буге, расположенный на западной границе княжества, был своего рода общерусской таможней – там сохранились десятки тысяч товарных пломб XI–XIII вв. со знаками многих русских князей» [Рыбаков, с. 518]. В сложный период противостояния Руси монгольскому завоеванию в XIII – первой половине XIV в. Галицко-Волынское княжество было больше ориентировано на Запад, «сближаясь для этого даже с католиками (обратившись за помощью к Папе, от которого Даниил Галицкий получает корону Руси в 1255 году)», но после смерти Даниила менее чем через сто лет Галицко-Волынские земли были захвачены соседями: поляками, уграми, литовцами [Дугин, с. 250].

Исследуемый ковчег, обладающий большими художественными достоинствами и предназначенный для сохранения ценнейших святынь – мощей почитаемых святых врачей-бессребреников Космы и Дамиана, был изготовлен из золоченой меди, поскольку более дорогой материал не был доступен в период разорения русских земель монгольскими завоевателями. В это время на Руси еще не возобновилось каменное строительство крупных храмов и монастырей, не изготавливались роскошные дорогостоящие предметы церковной утвари из золота и серебра. Изучение ковчега-мощевика позволяет уточнить его атрибуцию, а также получить представление о типологии, стилистическом своеобразии и технике изготовления других, утраченных древнейших ковчегов-мощевиков этого типа и крупных работ русских мастеров.

---

⁴¹ В Ипатьевской летописи в 1259 г. приводятся сведения о богатом убранстве церкви Иоанна, построенной князем Даниилом, который «созда же ц[е]рк[о]вь с[вя]т[о]го Ивана красну и лепу, зданье же ее сиче бы(с)[ть], комары с каждо[го] угла преводь и стояное ихъ на четырехъ головахъ ч[е]л[о]в[ече]ц(с)кихъ изваяно отъ некоего хытречь. Окъна 3 украшена стеклы римскими, входящи во олтарь стояста два столпа от цела камени и на нею комара и выспръ же верхъ украшенъ звездами златыми. На зазуре внутрнии же ей помость бе слить от меди и от олова ч[и](с)та яко блестятиса яко зеркалу. Двери же ей двоя украшены каменьемъ галичкы(м) белым и зеленымъ холмскимъ тесанымъ. Узоры те некимъ хытречемъ Авдеемъ прилепы от всехъ шаровъ и злата. Напреди ихъ же бе изделан Сп[а]сь, а на полунощны с[вя]ты Иванъ, якоже всим зрящимъ дивитиса, бе украси же иконы еже принесе ис Кыева, каменьемъ драгымъ и бисеромъ златымъ и Сп[а]са пр[ечи](с)тое Б[огороди]це иже ему сестра Федора и вда из монастыря Федора иконы же прине[се] изо Устретенья от о[т]ца его диву подобны, я[ко]же погореша во церкви с[вя]т[о]го Ивана» (ПСРА. Т. 2. Стб. 843).

Ил. 1. Медный золоченый ковчег с мощами святых врачей Космы и Дамиана. Древняя Русь. Первая половина XIV в. Общий вид.

Ил. 2. Прорисы гравированных житийных изображений на фронтальной и тыльной стенках медного ковчега

Ил. 3. Фронтальная сторона ковчега-мощевика

Ил. 4. Тыльная сторона ковчега-мощевика

Ил. 5. Боковая стенка медного ковчега с гравированным изображением рождества бессребреников

Ил. 6. Боковая стенка медного ковчега с гравированным изображением успения святых

Ил. 7. Крышка медного ковчега с рукоятью. Вид сверху

Ил. 8. Рака деревянная, украшенная росписью по деревянной резьбе, кожей и серебром. Сербия. 1343 г. Монастырь Высокие Дечаны

Ил. 9. Ларец деревянный, украшен кожей и медными золочеными оковками. Франция. 1360 г. Филадельфийский музей

*Ил. 10. Ларец деревянный, украшен кожей и железными оковками. Франция.
Конец XIV – начало XV в. Частное собрание*

*Ил. 11. Фрагмент серебряного колта с гравированным изображением льва.
Древняя Русь. XIII в. Частное собрание*

Ил. 12. Фрагмент ковчега-мощевика

Ил. 13. Чаша серебряная из Щигровского клада.
Первая половина XIV в. Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник

Ил. 14. Ковш серебряный из Щигровского клада. Первая половина XIV в.
Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник

Ил. 15. Ковш серебряный Дмитрия Круждовича. Первая половина – середина XIV в.
Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник имени Е. Д. Фелицына

Ил. 16. Чаша золотого потира из Благовещенского собора Московского Кремля. XV в.
Государственный музей-заповедник Московский Кремль.

Ил. 17. Бронзовое кадило конца XIV в. из ризницы суздальского Спасо-Евфимиева монастыря.
Архивная фотография. Государственный научно-исследовательский музей архитектуры. Москва

Литература

- Александрович В.* Мистецтво Галицько-Волинської держави. Львів, 1999. 132 с.
- Алексеев Л. В.* Лазарь Богша – мастер-ювелир XII в. // Советская археология. 1957. № 3. С. 224–244.
- Барков И. В.* Существующие приемы производства серебряного дела. М., 1893. 39 с.
- Беляев Л. А.* Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996. 563, [4] с.
- Бочаров Г. Н.* Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969. 129 с., 40 л. ил.
- Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – начала XV в. М., 1980. 551 с.
- Гладышева Е. В.* Святые бесребреники Косма и Дамиан, с житием // Иконы Вологды XIV–XVI веков. М., 2007. С. 144–153.
- Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI–XV вв. / Ред.-сост. И. А. Стерлигова. М., 1996. 511, [2] с.
- Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985. (Археология СССР). 431 с., 4 л. ил.
- Дугин А. Г.* Ноомахия: войны ума. Русский Логос II. Русский историкал. Народ и государство в поисках субъекта. 2-е изд. М., 2020. 960 с.
- Евсеева Л. М.* Византийские художники на Западе. XII век. Мозаики монастыря Монреале. Сицилия. М., 2023. 293, [1] с.
- Ерохин В. С.* Щигровский клад // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1954. Вып. 53. С. 145–147.
- Жолтовский П. Н.* Ларец мастера Самуила // Советская археология. 1958. № 4. С. 209–213.
- Журавлева И. А.* Об одной группе серебряных ковчегов-мошевиков конца XVI – первой трети XVII века // Древнерусское искусство. Исследования и атрибуции. СПб., 1997. С. 391–411.
- Журавлева И. А.* Серебряные ковчегии со святыми мощами // Царский храм. Святые Благовещенского собора Московского Кремля. М., 2003. С. 298–303.
- Забелин И. Е.* О металлическом производстве в России до конца XVII века // Записки Императорского Археологического общества. СПб., 1853. Т. 5. Ч. 3. С. 1–136.
- Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. 2-е изд. с доп. М., 1872. Т. 2. Домашний быт русских цариц. VIII, 681, 166 с., 8 л. ил.
- Игошев В. В.* Атрибуция древнейшего кадила из суздальского Спасо-Евфимиева монастыря // XI научная конференция «Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства». Материалы. 2005. Государственная Третьяковская галерея. М., 2007. С. 171–175.
- Игошев В. В.* К истории серебряного дела в Московском Кремле: два неизвестных оклада Евангелия XVI века // Материалы и исследования / Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». М., 2012. Вып. 21. С. 265–278. [Игошев, 2012а]
- Игошев В. В.* Атрибуция двух древнейших бронзовых кадил из Ростова Великого и Суздаля // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2012. Вып. 19. С. 179–195. [Игошев, 2012б]
- Игошев В. В.* Драгоценные вклады Строгановых во второй половине XVI – начале XVII века в храмы и монастыри Великого Устюга // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2014. № 2 (14). С. 59–82.
- Игошев В. В.* Художественный металл XII–XIV веков из собрания Константина Воронина // Собрание Константина Воронина. Иконы. Художественный металл XIII–XVI века / Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. М., 2017. С. 74–83, 154–155.
- Игошев В. В.* Строгановское художественное серебро XVI–XVII веков. М., 2018. 400 с.
- Игошев В. В.* К вопросу о совместной работе ювелиров и иконописцев-знаменщиков в Серебряной, Золотой и Оружейной палате в XVII веке // Симон Ушаков и мастера Оружейной палаты. Материалы научной конференции. Государственная Третьяковская галерея. М., 2019. С. 17–37.
- Игошев В. В.* Сольвычегодские художественные мастерские Никиты Григорьевича Строганова // Памятники сольвычегодской старины в истории российской культуры. К 100-летию Сольвычегодского историко-художественного музея. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 13–15 мая 2019 года. Сыктывкар, 2021. С. 31–132.

- Игошев В. В. О типологии и технике изготовления древнерусских каменных рак XI–XV веков, украшенных золоченым серебром // Вестник Сектора древнерусского искусства. 2022. № 1. С. 12–31.
- Игошев В. В., Ченцова В. Г. Ростовские серебряники и вологодская литургическая утварь в храме Оксфорда // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 4 (86). С. 184–210. DOI 10.25986/IRI.2021.86.4.012
- Історія українського мистецтва. Київ, 2010. Т. 2. 1296 с.
- Крамаровский М. Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001. 363, [1] с.
- Крыжановская М. Я. В мире замков и соборов. Прикладное искусство западного Средневековья. СПб., 2007. 160 с.
- Крыжановский С. М. Славянский Краков // Древности. Труды Московского археологического общества. М., 1876. Т. 6. Вып. 2. С. 127–129.
- Макарий (Миролюбов), архим. Памятники церковных древностей. Нижегородская губерния. Репр. изд. Нижний Новгород, 1999. 700, [1] с.
- Макаров Е. Е. Косма и Дамиан. Гимнография // ПЭ. М., 2015. Т. 38. С. 241–243.
- Маркелов Г. В. Книгописный подлинник Строгановых 1604 г. // ТОДРА. СПб., 2003. Т. 54. С. 684–699.
- Медынцева А. А. Подписные шедевры древнерусского ремесла. Очерки эпиграфики, XI–XIII в. М., 1991. 237, [2] с.
- Медынцева А. А. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века. М., 2000. 290, [1] с., [6] л. ил.
- Минасян Р. С. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб., 2014. 471 с.
- Мокрецова И. П. Средневековый книжный переплет. История, материалы и техника, принципы реставрации. М., 2005. 82, [1] с., [47] л. ил.
- Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961. 400 с.
- Мудрова Н. А. Библиотека Строгановых (вторая половина XVI – начало XVIII в.). Екатеринбург, 2015. 538 с., [10] л. цв. ил.
- Николаева Т. В. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976. 288 с.
- Орлов А. С. Библиография русских надписей XI–XV вв. М.; Л., 1952. 239 с.
- Преображенский А. С. Декоративно-прикладное искусство XIV в. // История древнерусского искусства. М., 2019. Т. 4. С. 465–655.
- Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества. XII–XIII вв. М., 1993. 565 с., [4] л. ил.
- Соболевский А. И. Русские фрески в Старой Польше. М., 1916. 6 с., 3 л. ил.
- Сокровища Золотой Орды. Каталог выставки / Государственный Эрмитаж. СПб., 2000. 345 с.
- Стерлигова И. А., Турилов А. А. Золотой потир из Благовещенского собора как памятник искусства и эпиграфики // Московский Кремль XV столетия. Древние святыни и исторические памятники. М., 2011. Т. 1. С. 426–439.
- Столярова Л. В., Каиштанов С. М. Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.). М., 2010. 429, [2] с., [16] л. цв. ил.
- Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства. Памятники Владимира, Новгорода и Пскова. СПб., 1899. 186 с.
- Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки искусства и культуры народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М., 1976. 227 с.
- Холостенко Н. В. Мощница Спаса Черниговского // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 199–202.
- Янин В. Л. По поводу заметки П. Н. Жолтовского «Ларец мастера Самуила» // Советская археология. 1958. № 4. С. 213–215.
- Янюшкина (Глазунова) Е. В. Щигровский клад. К вопросу о датировке // Нумизматика в Историческом музее. М., 2001. (Труды ГИМ. Вып. 115). С. 144–148.
- Bizantium. Faith and Power (1261–1557) / Ed. by Helen C. Evans. New York, 2004. 658 p.

References

- Aleksandrovich, V. Mistetstvo Galits'ko-Volins'koi derzhavi [Art of the Galician-Volhynian State]. Lvov, 1999. 132 p.
- Alekseev, L. V. Lazar' Bogsha – master-yuvelir XII v. [Lazar Bogsha – a master jeweler of the 12th Century]. In *Sovetskaya arkheologiya*. 1957. No. 3. Pp. 224–244.

- Barkov, I. V. *Sushchestvuyushchie priemy proizvodstva serebryanogo dela* [Existing Methods of Silversmithing Production]. Moscow, 1893. 39 p.
- Belyaev, L. A. *Russkoe srednevekovoe nadgrobie. Belokamennye plity Moskvy i Severo-Vostochnoi Rusi XIII–XVII vv.* [Russian Medieval Tombstone. White Stone Slabs of Moscow and North-Eastern Rus of the 13th – 17th Centuries]. Moscow, 1996. 563, [4] p.
- Bizantium. Faith and Power (1261–1557). Ed. by Helen C. Evans. New York, 2004. 658 p.
- Bocharov, G. N. *Prikladnoe iskusstvo Novgoroda Velikogo* [Applied Art of Veliky Novgorod]. Moscow, 1969. 129 p., 40 l. of il.
- Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Velikogo Novgoroda. *Khudozhestvennyi metall XI–XV vv.* [Decorative and Applied Art of Veliky Novgorod. Art Metal of the 11th – 15th Centuries]. Editor-compiler I. A. Sterligova. Moscow, 1996. 511, [2] p.
- Drevnyaya Rus'. *Gorod. Zamok. Selo* [Old Rus. City. Castle. Village]. Moscow, 1985. (Arkheologiya SSSR). 431 p., 4 l. of il.
- Dugin, A. G. *Noomakhia: voiny uma. Russkii Logos II. Russkii istorial. Narod i gosudarstvo v poiskakh sub'ekta* [Noomachia: Wars of the Mind. Russian Logos II. Russian Historial. The People and the State in Search of the Subject]. 2nd ed. Moscow, 2020. 960 p.
- Erokhin, V. S. *Shchigrovskii klad* [Shchigrovsky Treasure]. In *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noi kul'tury*. 1954. Issue 53. Pp. 145–147.
- Evseeva, L. M. *Vizantiiskie khudozhniki na Zapade. XII vek. Mozaiki monastyrya Monreale. Sitsiliya* [Byzantine Artists in the West. 12th Century. Mosaics of the Monreale Monastery. Sicily]. Moscow, 2023. 293, [1] p.
- Fedorov-Davydov, G. A. *Iskusstvo kochevnikov i Zolotoi Ordyy. Ocherki iskusstva i kul'tury narodov Evraziiskikh stepei i zolotoordynskikh gorodov* [The Art of Nomads and the Golden Horde. Essays on the Art and Culture of the Peoples of the Eurasian Steppes and Golden Horde Cities]. Moscow, 1976. 227 p.
- Gladysheva, E. V. *Svyatyte bessrebreniki Kosma i Damian, s zhitiem* [Saints Silverless Cosmas and Damian, with a life]. In *Ikony Vologdy XIV–XVI vekov*. Moscow, 2007. Pp. 144–153.
- Igoshev, V. V. *Atributsiya drevneishego kadila iz suzdal'skogo Spaso-Evfimieva monastyrya* [Attribution of the Oldest Censer from the Suzdal Spaso-Evfimiev Monastery]. In *XI nauchnaya konferentsiya "Ekspertiza i atributsiya proizvedenii izobrazitel'nogo i dekorativno-prikladnogo iskusstva". Materialy. 2005. Gosudarstvennaya Tretyakovskaya galereya*. Moscow, 2007. Pp. 171–175.
- Igoshev, V. V. *K istorii serebryanogo dela v Moskovskom Kreml'e: dva neizvestnykh oklada Evangelii XVI veka* [On the History of Silversmithing in the Moscow Kremlin: Two Unknown Oklads of the Gospel of the 16th Century]. In *Materialy i issledovaniya. Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethnoe uchrezhdenie kul'tury "Gosudarstvennyi istoriko-kul'turnyi muzei-zapovednik "Moskovskii Kreml'"*. Moscow, 2012. Issue 21. Pp. 265–278. [Igoshev, 2012a]
- Igoshev, V. V. *Atributsiya dvukh drevneishikh bronzovykh kadil iz Rostova Velikogo i Suzdalya* [Attribution of Two Ancient Bronze Censers from Rostov Veliky and Suzdal]. In *Soobshcheniya Rostovskogo muzeya*. Rostov, 2012. Issue 19. Pp. 179–195. [Igoshev, 2012b]
- Igoshev, V. V. *Dragotsennyye vklady Stroganovykh vo vtoroi polovine XVI – nachale XVII veka v khramy i monastyri Velikogo Ustyuga* [The Works of Religious Art, Donated by the Stroganovs in the Monasteries and Temples of Great Ustyug]. In *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya V. Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva*. 2014. No. 2 (14). Pp. 59–82.
- Igoshev, V. V. *Khudozhestvennyi metall XII–XIV vekov iz sobraniya Konstantina Voronina* [Art Metal of the 12th – 14th Centuries from the Collection of Konstantin Voronin]. In *Sobranie Konstantina Voronina. Ikony. Khudozhestvennyi metall XIII–XVI veka. Tsentral'nyi muzei drevnerusskoi kul'tury i iskusstva imeni Andreyeva Rubleva*. Moscow, 2017. Pp. 74–83, 154–155.
- Igoshev, V. V. *Stroganovskoe khudozhestvennoe srebro XVI–XVII vekov* [Stroganov Art Silver of the 16th – 17th Centuries]. Moscow, 2018. 400 p.
- Igoshev, V. V. *K voprosu o sovместnoi rabote yuvelirov i ikonopistsev-znamenshchikov v Serebryanoi, Zolotoi i Oruzheinoi palate v XVII veke* [On the Question of the Joint Work of Jewelers and Icon Painters-Znamenshchiks in the Silver, Gold and Armory Chamber in the 17th Century]. In *Simon Ushakov i мастера Oruzheinoi palaty. Materialy nauchnoi konferentsii. Gosudarstvennaya Tretyakovskaya galereya*. Moscow, 2019. Pp. 17–37.

- Igoshev, V. V. Sol'vychevodskie khudozhestvennye masterskie Nikity Grigor'evicha Stroganova [Solvychevodsk Art Workshops of Nikita Grigoryevich Stroganov]. In *Pamyatniki sol'vychevodskoi stariny v istorii rossiskoi kul'tury. K 100-letiyu Sol'vychevodskogo istoriko-khudozhestvennogo muzeya. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 13–15 maya 2019 goda*. Syktyvkar, 2021. Pp. 31–132.
- Igoshev, V. V. O tipologii i tekhnike izgotovleniya drevnerusskikh kamennykh rak XI–XV vekov, ukrashennykh zolochenym serebrom [Research on Typology and Craft Techniques of Ancient Russian Stone Shrines of the 11th – 15th Centuries, Decorated with Gilded Silver]. In *Vestnik Sektora drevnerusskogo iskusstva*. 2022. No. 1. Pp. 12–31.
- Igoshev, V. V., Chentsova, V. G. Rostovskie serebryaniki i vologodskaya liturgicheskaya utvar' v khrame Oksforda [Rostov Silversmiths and Liturgical Utensils from Vologda in One of the Oxford Churches]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2021. No. 4 (86). Pp. 184–210. DOI 10.25986/IRI.2021.86.4.012
- Istoriya ukrainskogo mistetstva [History of Ukrainian Art]. Kiev, 2010. Vol. 2. 1296 p.
- Kholostenko, N. V. Moshchenitsa Spasa Chernigovskogo [The Reliquary of the Savior of Chernigov]. In *Kul'tura srednevekovoi Rusi*. Leningrad, 1974. Pp. 199–202.
- Kramarovskii, M. G. Zoloto Chingisidov: kul'turnoe nasledie Zolotoi Ordy [Genghisid Gold: The Cultural Heritage of the Golden Horde]. Saint Petersburg, 2001. 363, [1] p.
- Kryzhanovskaya, M. Ya. V mire zamkov i soborov. Prikladnoe iskusstvo zapadnogo Srednevekov'ya [In the World of Castles and Cathedrals. Applied Art of the Western Middle Ages]. Saint Petersburg, 2007. 160 p.
- Kryzhanovskii, S. M. Slavyanskii Krakov [Slavic Krakow]. In *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkhеologicheskogo obshchestva*. Moscow, 1876. Vol. 6. Issue 2. Pp. 127–129.
- Makarii (Mirolyubov), archimandrite. Pamyatniki tserkovnykh drevnostei. Nizhegorodskaya guberniya [Monuments of Church Antiquities. Nizhny Novgorod Province]. Repr. ed. Nizhny Novgorod, 1999. 700, [1] p.
- Makarov, E. E. Kosma i Damian. Gimnografiya [Cosmas and Damian. Hymnography]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2015. Vol. 38. Pp. 241–243.
- Markelov, G. V. Knigopisnyi podlinnik Stroganovykh 1604 g. [The Stroganov ABC Book of 1604]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Saint Petersburg, 2003. Vol. 54. Pp. 684–699.
- Medyntseva, A. A. Podpisnye shedevry drevnerusskogo remesla. Ocherki epigrafiki, XI–XIII v. [Subscribed Masterpieces of the Old Russian Craft. Essays on Epigraphy, 11th – 13th Centuries]. Moscow, 1991. 237, [2] p.
- Medyntseva, A. A. Gramotnost' v Drevnei Rusi. Po pamyatnikam epigrafiki X – pervoi poloviny XIII veka [Literacy in Old Rus. According to the Monuments of Epigraphy of the 10th – the First Half of the 13th Century]. Moscow, 2000. 290, [1] p., [6] l. of il.
- Minasyan, R. S. Metalloobrabotka v drevnosti i Srednevekov'e [Metalworking in Antiquity and the Middle Ages]. Saint Petersburg, 2014. 471 p.
- Mokretsova, I. P. Srednevekovyi knizhnyi pereplet. Istoriya, materialy i tekhnika, printsipy restavratsii [Medieval Book Binding. History, Materials and Techniques, Principles of Restoration]. Moscow, 2005. 82, [1] p., [47] l. of il.
- Mongait, A. L. Ryazanskaya zemlya [Ryazan Land]. Moscow, 1961. 400 p.
- Mudrova, N. A. Biblioteka Stroganovykh (vtoraya polovina XVI – nachalo XVIII v.) [Stroganovs' Library (The Second Half of the 16th – the Beginning of the 18th Century)]. Ekaterinburg, 2015. 538 p., [10] l. of col. il.
- Nikolaeva, T. V. Prikladnoe iskusstvo Moskovskoi Rusi [Applied Art of Muscovite Rus]. Moscow, 1976. 288 p.
- Orlov, A. S. Bibliografiya russkikh nadpisei XI–XV vv. [Bibliography of Russian Inscriptions of the 11th – 15th Centuries]. Moscow; Leningrad, 1952. 239 p.
- Preobrazhenskii, A. S. Dekorativno-prikladnoe iskusstvo XIV v. [Decorative and Applied Art of the 14th Century]. In *Istoriya drevnerusskogo iskusstva*. Moscow, 2019. Vol. 4. Pp. 465–655.
- Rybakov, B. A. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva. XII–XIII vv. [Kievan Rus and the Russian Principalities. 12th – 13th Centuries]. Moscow, 1993. 565 p., [4] l. of il.
- Sobolevskii, A. I. Russkie freski v Staroi Pol'she [Russian Frescoes in Old Poland]. Moscow, 1916. 6 p., 3 l. of il.
- Sokrovishcha Zolotoi Ordy. Katalog vystavki. Gosudarstvennyi Ermitazh [Treasures of the Golden Horde. Exhibition Catalog. State Hermitage Museum]. Saint Petersburg, 2000. 345 p.

- Sterligova, I. A., Turilov, A. A. Zolotoi potir iz Blagoveshchenskogo sobora kak pamyatnik iskusstva i epigrafiki [The Golden Chalice from the Annunciation Cathedral as a Monument of Art and Epigraphy]. In *Moskovskii Kreml' XV stoletiya. Drevnie svyatyni i istoricheskie pamyatniki*. Moscow, 2011. Vol. 1. Pp. 426–439.
- Stolyarova, L. V., Kashtanov, S. M. Kniga v Drevnei Rusi (XI–XVI vv.) [The Book in Old Rus (11th – 16th Centuries)]. Moscow, 2010. 429, [2] p., [16] l. of col. il.
- Tolstoy, I. I., Kondakov, N. P. Russkie drevnosti v pamyatnikakh iskusstva. Pamyatniki Vladimira, Novgoroda i Pskova [Russian Antiquities in the Monuments of Art. Monuments of Vladimir, Novgorod and Pskov]. Saint Petersburg, 1899. 186 p.
- Vzdornov, G. I. Iskusstvo knigi v Drevnei Rusi. Rukopisnaya kniga Severo-Vostochnoi Rusi XII – nachala XV v. [The Art of the Book in Old Rus. A Handwritten Book of Northeastern Rus of the 12th – Early 15th Centuries]. Moscow, 1980. 551 p.
- Yanin, V. L. Po povodu zametki P. N. Zholtovskogo “Larets мастера Самуила” [About P. N. Zholtovskiy’s Note “The Casket of Master Samuel”]. In *Sovetskaya arkheologiya*. 1958. No. 4. Pp. 213–215.
- Yanyushkina (Glazunova), E. V. Shchigrovskii klad. K voprosu o datirovke [Shchigrovskiy Treasure. To the Question of Dating]. In *Numizmatika v Istoricheskom muzee*. Moscow, 2001. (Trudy GIM. Issue 115). Pp. 144–148.
- Zabelin, I. E. O metallicheskom proizvodstve v Rossii do kontsa XVII veka [About Metal Production in Russia until the End of the 17th Century]. In *Zapiski Imperatorskogo Arkheologicheskogo obshchestva*. Saint Petersburg, 1853. Vol. 5. Part 3. Pp. 1–136.
- Zabelin, I. E. Domashnii byt russkogo naroda v XVI i XVII st. [The Home Life of the Russian People in the 16th and 17th Centuries]. 2nd ed. with additions. Moscow, 1872. Vol. 2. Domashnii byt russkikh tsarits [The Home Life of Russian Tsaritsas]. VIII, 681, 166 p., 8 l. of il.
- Zholtovskii, P. N. Larets мастера Самуила [The Casket of Master Samuel]. In *Sovetskaya arkheologiya*. 1958. No. 4. Pp. 209–213.
- Zhuravleva, I. A. Ob odnoi gruppe serebryanykh kovchegov-moshchevikov kontsa XVI – pervoi treti XVII veka [About One Group of Silver Reliquary Arks of the End of the 16th – the First Third of the 17th Century]. In *Drevnerusskoe iskusstvo. Issledovaniya i atributsii*. Saint Petersburg, 1997. Pp. 391–411.
- Zhuravleva, I. A. Serebryanye kovchegi so svyatymi moshchami [Silver Arks with Holy Relics]. In *Tsarskii khram. Svyatyni Blagoveshchenskogo sobora Moskovskogo Kremlya*. Moscow, 2003. Pp. 298–303.

Valeriy V. Igoshev

State Research Institute for Restoration, Central Andrey Rublev Museum of Ancient Russian Culture and Art, Moscow, Russia

ANCIENT RUSSIAN KOVCHEG-MOSCHEVIK
MADE BY SAMUEL THE BLACKSMITH, ELISEI AND LEONTIY THE SCRIBES:
TYPOLOGY, STYLE, MANUFACTURING TECHNOLOGY

The article explores the typology, style, and technological methods of making one of the oldest Russian reliquaries – an ark with the relics of the holy doctors St. Cosmas and St. Damian. The sacred images, ornaments and inscriptions are engraved on the body and lid of the gilded copper reliquary, preserved in the Church of St. Mary in Krakow, including a short prayer with the names of Samuel the blacksmith, and Elisei and Leontiy the scribes. The design features, shape and techniques of making the reliquary were influenced by Byzantine, Western European and Golden Horde examples of decorative and applied art. All its parts were made at the same time – in the first half of the 14th century by Russian masters – toreut-engraver Samuel, scribes-painters Elisei and Leontiy in the Galicia-Volyn lands.

Keywords: ark-reliquary, shrine, holy doctors Cosmas and Damian, Old Russian jewelers, scribes-painters, Old Russian silver-smithing

